

А. В. КРАВЧЕНКО

ОТ ЯЗЫКОВОГО МИФА К БИОЛОГИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

ПЕРЕОСМЫСЛЯЯ
ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ
ЯЗЫКОЗНАНИЯ

РУКОПИСНЫЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ
МОСКВА
2013

УДК 80/81
ББК 81
К 78

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России (2012—2018 годы)»

Кравченко А. В.

К 78 От языкового мифа к биологической реальности: переосмысляя познавательные установки языкознания. — М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2013. — 388 с.: ил. — (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning).

ISBN 978-5-9551-0633-5

В книге ставится вопрос о необходимости переосмысления традиционных познавательных установок и теоретических положений науки о языке. Такая необходимость вызвана отсутствием четко сформулированного идеального проекта языкознания, в результате чего образовался разрыв между теорией и теми практическими задачами, которые наука о языке призвана решить в первую очередь. Обосновывается необходимость новой эпистемологической платформы, призванной вывести науку о языке из методологического тупика, и намечается путь, по которому уже началось движение биологически ориентированной когнитивной науки.

Для широкого круга лингвистов, филологов, философов и методологов науки.

ББК 81

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

В оформлении переплета использованы фрагменты
офорта Корнелиса Антониса «Падение Вавилонской башни» (1547 г.)
и рисунка Леонардо да Винчи (1490 г.)

ISBN 978-5-9551-0633-5

© А. В. Кравченко, 2013
© Издательство «Рукописные памятники
Древней Руси», 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение: Выбирая курс	7
------------------------------	---

ЧАСТЬ 1. УХОДЯ ОТ РАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Глава 1. Что и зачем изучает языкознание?

1.1. Наука о языке и ее объект	23
1.1.1. Речь vs. письмо	23
1.1.2. Литературный язык	32
«Нормативность»	38
«Полифункциональность»	40
«Престижность»	44
1.2. Языкознание в теории и на практике	47
1.2.1. Образовательный парадокс	47
1.2.2. Аксиомы ортодоксального языкознания и языковой миф	56
1.2.3. Лингвистический шаманизм	62
1.2.4. Эмпирическая лингвистика	71
1.3. О пользе и вреде традиций	75

Глава 2. Язык и коммуникация

2.1. Постановка вопроса	82
2.2. Язык как «средство коммуникации»	85
2.3. Коммуникация и «обмен информацией»	87
2.4. «Канал связи» и информация	90
2.5. О непрямом характере коммуникации	97
2.6. Подводя итог	104

Глава 3. Компьютерная метафора в лингвистике

3.1. Постулаты когнитивной науки «первого поколения» ..	106
3.2. Методологическая проблема	110
3.3. Онтологическая проблема	112
3.4. Есть ли альтернатива?	120

Глава 4. О репрезентативности языка

4.1. Наследие рационалистического дуализма	125
4.2. Проблема с «контейнерной» метафорой	131
4.3. Что «репрезентируют» языковые знаки?	139
4.3.1. Объективизм	139

4.3.2. Субъективизм	146
4.3.3. Межсубъектность	149
4.4. Грамматика как семиотическая система	151
4.4.1. Несколько «что»-вопросов	151
4.4.2. Письменная языковая предвзятость грамматики ...	155
4.4.3. Грамматика как знаковые отношения	160
4.4.4. Грамматика и когниция	165
Глава 5. Язык, знание и сознание	
5.1. Эпистемологический поворот	170
5.2. О концептах	173
5.2.1. Концепт как «концептуальная» проблема	173
5.2.2. Концепт в биологии познания и языка	182
5.3. Проблема ментальных репрезентаций	186
5.3.1. Рационалистическая традиция	186
5.3.2. Интернализм vs. экстернализм	190
5.3.3. Когнитивная функция репрезентаций	193
5.4. Язык и когнитивная настройка организма	198
ЧАСТЬ 2. ОТ АНАЛИЗА К СИНТЕЗУ	
Глава 6. Холизм как методологический принцип	
6.1. Недостатки аналитизма	205
6.2. На пути к синтетизму	212
6.3. Проблема метода в когнитивной науке.....	222
Глава 7. Биологическая парадигма в науках о языке	
7.1. Биосемиотика	232
7.1.1. Теоретические предпосылки	232
7.1.2. Основные понятия биосемиотики	237
7.1.3. Проблема с познавательными установками	245
7.1.4. Почему кодирование нельзя считать семиозисом	250
7.2. Биолингвистика	254
7.2.1. Биолингвистика генеративного толка	254
7.2.2. Биолингвистика функционального толка	258
7.3. Биокультурная теория значения	261
Глава 8. К распределенной модели когниции и языка	
8.1. Проблема с воплощенной когницией	265

8.2. Распределенная когниция	270
8.3. Язык и когнитивные процессы	272
8.4. Новые направления и проблемы	280
Глава 9. Возвращаясь к гипотезе Сепира-Уорфа	
9.1. Языковой детерминизм как проблема	284
9.2. От гипотезы к теории	289
9.2.1. Теория восприятия Матураны	289
9.2.2. Понятие субстрата	293
9.3. Обновленная объективность	299
9.4. Бытие человека и экология языка	302
Глава 10. Язык и общество	
10.1. Научение языку как когнитивный процесс	309
10.2. Когнитивный феномен функциональной неграмотности.....	317
10.2.1. Грамотность как вид знания и текстовое поле языка	317
10.2.2. Ориентирующая функция текстового поля	325
10.2.3. Функция языка в общественном «организме» ...	330
10.3. Изменения в общественном сознании в зеркале языковых изменений	334
10.3.1. Язык «совка»	334
10.3.2. Гибридизация языка: перезагрузка системы ценностных ориентиров?	342
Эпилог: Камо грядеши?	349
Литература	353

ВВЕДЕНИЕ: ВЫБИРАЯ КУРС

Начало нового столетия, а уж тем более тысячелетия, всегда связано с определенными ожиданиями в отношении грядущих времен. Если взять ожидания, характерные для современного состояния науки, то они, как правило, связаны с новыми достижениями, открытиями, изобретениями, призванными вывести человечество на качественно новый уровень понимания, усвоения и освоения мира и, тем самым, оказать существенное влияние на качество жизни человека и общества. Однако не секрет, что вступление человечества в новое, третье тысячелетие отмечено, помимо всего прочего, растущим чувством неудовлетворенности в области гуманитарных и общественных наук. Главная причина этой неудовлетворенности кроется в том, что успехи в постижении сущности человеческой природы — если речь можно вести об успехах — остаются весьма и весьма скромными.

Устойчивый процесс гуманизации науки, наблюдавшийся на протяжении всего 20-го столетия, привел к осознанию того, что поиск «объективного» знания о мире будет оставаться довольно бесперспективным предприятием до тех пор, пока в рисуемую наукой картину этого мира не будет включен человек как субъект знания/познания. О необходимости учета наблюдающего мир субъекта при формировании им научного взгляда на свое значение в физике мира ученые начали говорить еще в середине 20 в. (Neumann 1955; Chardin 1956; Schrödinger 1959). Как подчеркивает Джон Серль (Searle 1984: 25), «ошибочно полагать, что определение действительности должно исключать субъективность».¹ Однако для того, чтобы фигура познающего мир человека могла быть включена в научную картину мира, она должна обладать эпистемологическим статусом, сопоставимым с соответствующим статусом любого известного науке «объективного» явления. По большому счету, это означает, что человеческий субъект должен рассматриваться как эмпирический феномен, являющийся *составной частью* того мира, который им концептуализируется и категори-

¹ Здесь и далее цитаты из зарубежных источников даются в авторском переводе. — А. К.

зируется. Эта концептуализация и категоризация проявляется («объективируется») в языке как особом виде естественной (био-социальной) деятельности, свойственной человеку. Подобные языковые проявления обычно понимаются как *структуры знания* или просто *знание*, под которым подразумевается результат познания (*когниции*, в широком смысле слова) как биологически обусловленной содержательной деятельности, целью которой является приобретение *опыта* мира и использование этого опыта во благо людей в их взаимодействии с окружающей средой. Для того, чтобы этот приобретенный опыт мог быть использован, он должен иметь *значение* — нечто, что оказывает ориентирующие воздействия на отдельные человеческие организмы, становясь, тем самым, неотъемлемой частью самого процесса *жизни*.

Без таких ключевых понятий, как *язык*, *знание*, *опыт*, *значение* и *жизнь* не может обойтись ни одна сколько-нибудь серьезная попытка постичь сущность человечности. На протяжении веков такие попытки неоднократно предпринимались в философии, биологии, психологии, антропологии, семиотике, лингвистике и других смежных областях знания. Несомненно, отдельные науки достигли огромных успехов — особенно это справедливо в отношении биологии, сделавшей возможными модификацию живых организмов на генном уровне и клонирование новых организмов из старого клеточного материала. Тем не менее, какими бы впечатляющими ни казались современные достижения в каждой из этих наук, они до сих пор не обладают тем теоретическим инструментарием, который позволил бы вскрыть сущность явлений, составляющих соответствующие каждой из названных наук объекты исследования. Научное сообщество продолжает ломать голову над вопросами: «Что такое знание? Что такое опыт и как он соотносится со знанием? Что такое язык и какова его роль в определении человека как биологического вида? Что такое значение?» И, наконец: «Что такое жизнь?»

Ценность всякой теории, в конечном итоге, определяется тем, насколько ее положения способны оказать влияние на сложившиеся воззрения человека на мир и его место в нем, насколько эти теории применимы на практике и каково, предположительно, их влияние на изменение существенных сторон самой жизни человека. По выражению шведского химика Й. Я. Берцелиуса, ставшему

крылатым, «нет ничего практичнее хорошей теории». Теория, не способная изменить человеческую практику — и, уж тем более, не преследующая такой цели в принципе (а такие теории есть, и их не так уж мало), — будет оставаться всего лишь «овеществленным» свидетельством интеллектуального труда ученого в историческом хранилище человеческих артефактов, предназначение которых с течением времени забывается, а сами они становятся всего лишь забавными (хотя нередко и поучительными) музейными экспонатами.

Прикладные задачи, стоящие перед лингвистической теорией в целом, хорошо известны, и некоторые из них — например, изучение механизма усвоения² языка в связи с проблемой межкультурного (межкультурного) общения — настолько стары, что порой начинает создаваться впечатление, что они неразрешимы в принципе. На протяжении тысячелетий между народами, говорящими на разных языках, осуществлялись успешные контакты благодаря способности человека овладевать новым, отличным от родного, языком. Потребность в «связистах», осуществляющих такие контакты, с течением времени всегда возрастала, что уже на раннем этапе межнациональных и межкультурных контактов привело к осознанию необходимости выработки методики подготовки специалистов по межкультурному общению, а попросту говоря — переводчиков. И хотя методика обучения неродному (иностранному) языку — одна из старейших прикладных дисциплин в лингвистике, все же самым лучшим методом усвоения неродного языка до сих пор остается метод прямого культурного погружения, когда человек, желающий (или, в некоторых случаях, вовсе не желающий) овладеть неродным языком, оказывается в естественной среде обитания сообщества, говорящего на этом языке. Это значит, что *практическое* научение неродному языку протекает в значи-

² Термин «усвоение языка», утвердившийся в языкознании, не совсем удачен, так как характеризует язык как нечто, находящееся во внешнем по отношению к человеку мире, как вещь или инструмент, которыми мы вольны или невольны воспользоваться. Правильнее было бы говорить о «научении языку» как динамически сложном когнитивном процессе встраивания в рекурсивную совместную деятельность ориентирующего характера. В этой связи мы еще вернемся к вопросу о природе языка.

тельной степени независимо от той или иной теории, используемой в лингвистической дидактике. Это говорит о том, что у последней отсутствует достаточный уровень понимания *феноменологии* процесса усвоения языка.

Другой, относительно нестарой прикладной задачей является создание искусственного интеллекта (ИИ). Небывалый энтузиазм в отношении перспектив осуществления проекта, который в середине 20 в. был вызван развитием кибернетики и появлением электронно-вычислительных машин, давно прошел, сменившись некоторым разочарованием и даже серьезным скепсисом. Все больше ученых выражает сомнение в возможности создания ИИ на той базе, которой располагает современная компьютерная наука, особенно так называемого «сильного» ИИ, по своим функциональным способностям могущего сравниться с человеческим интеллектом. Дело здесь не столько в самих технических возможностях науки, занятой разработкой ИИ — в конце концов, технический прогресс продолжается, идя семимильными шагами и не переставая удивлять нас новыми поразительными изобретениями и технологиями. Главное — это правильно сформулировать задачу, которую предстоит решить техническими средствами. В случае с ИИ такой задачей является моделирование интеллекта как *эмпирического феномена*, т. е. явления, связанного с особенностями организации и успешного функционирования живых организмов вообще, и человека в частности, в их среде обитания. То, что исследования и разработки в области ИИ не дают пока повода говорить о решении проблемы в целом, указывает на то, что либо сама задача сформулирована неправильно, либо неверны исходные посылки в определении сущностных свойств интеллекта. Во всяком случае, можно с достаточным на то основанием констатировать, что в современной компьютерной науке имеет место непонимание феноменологической природы языка и интеллекта как взаимосвязанных и взаимообусловленных когнитивных способностей человека.

Это непонимание является причиной того, что прикладные компьютерные программы не в состоянии, например, осуществлять проверку грамматической правильности набранного на компьютере текста, как это делает, скажем, обыкновенный школьный учитель. То, что разработчики подобных программ называют «средствами проверки грамматики», на самом деле проверять ее на